

«Помните, демократия никогда не
длится долго. Она быстро растрачива-
ется, истощается и убивает саму себя».

Джон Адамс

О таком вот честном парне до сих пор кто-нибудь да вспомнит. Славный малый, верный товарищ и брат. Заходит этот пай-мальчик, мамина радость, в участок по юго-восточному округу, воровато озирается по сторонам и что-то шепчет, прикрывая рот ладонью. Время позднее, к полуночи дело, а у пацана на пороге участка темные очки на носу. Естественно очки от солнца, капюшон толстовки натянут на лоб, глаза в пол. Типа ничейный Стиви Уандер, разве что пса и белой трости нет. И такой к дежурному сержанту: «Кто у вас тут главный? Я хочу сообщить о преступном замысле». Все шепотом, значит. А сержант ему: «Документики».

У пацана на башке бейсболка, козырек опущен до самых бровей, сверху капюшон — короче, наружу только нос и торчит. Толстовка на спине аж насквозь промокла. И вот, значит, этот кайфолом, этот активный гражданин трясет головой и говорит: «Я сообщаю анонимно. И не тут, не на людях».

Ну, господин дежурный сержант набирает номерок. Со всеми церемониями снимает трубку, прикладывает к уху, тыкает по кнопкам и, не сводя глаз с пацана в темных очках, просит прийти детектива. Да, возможно, наводка. Бросает взгляд пацану на руки. Рук не видно, они спрятаны в карманы толстовки, а это подозрительно. Сержант дергает подбородком и требует: «Слышь, уважаемый, а давай-ка ты руки из карманов вынешь».

Пацан делает, что ему велят, но выглядит все равно как-то мутно. Переминается с ноги на ногу, словно забыл отлить, причем с прошлой недели. И все головой вертит, будто ждет кого-то. Будто следом за ним в дверь вот-вот должны зайти. И мямлит жалобно: «Нельзя мне тут... увидеть могут...». Стоит вроде на месте, руки висят, как макароны, а ниже пояса все ерзает. Прямо как танцор «Риверданса». Или как порноактер — у этих тоже зад ходит туда-сюда, а рука, которая со стороны камеры, вечно повисает как парализованная, и еще отведена так чуть назад, будто хочет сбежать со стыда.

Дежурный сержант командует: «Выкладывай, что в карманах». И кивает в сторону, где у них пункт досмотра — рамка, стол, пластиковый ящик, все как в любом аэропорту.

Пацан, наш бдительный гражданин, выуживает кошелек и телефон, кладет в ящик. После долгих колебаний снимает и отправляет следом темные очки. Глаза бегают — голубые глаза под испуганными бровями. Такая мимика скоро обеспечит ему ранние морщины.

Раздается хлопок. Похоже на выстрел — то ли прямо в полицейском участке, то ли снаружи. Хлопок приглушенный, так что, наверное, все-таки снаружи. Пацан вздрагивает. Точно выстрел.

Детектив первым делом спрашивает: «Сынок, ты не под кайфом?»

У пацана такой вид, как будто он увидел голым кого-то совсем не того. Типа катил себе по улице на велосипеде, объехал со спины, оглянулся, а там... У него срывается голос, и, пуская петуха, он требует: «Кошелек мне верните».

А детектив ему: «Нет, ты погоди. Ты о чем сообщить-то хотел? О планируемых покушениях?»

А пацан такой: «А вы что, уже знаете?!»

Детектив спрашивает, кому он успел рассказать.

А этот полезный член общества ему честно так: «Только ребятам своим».

Детектив возвращает кошелек, очки, ключи и телефон и просит позвонить или написать ребятам и убедить их немедленно прийти сюда, в участок. И улыбается. «Если не очень торопишься, я могу ответить на все твои вопросы. Но не здесь». И многозначительно так смотрит на потолок, где камера висит.

А потом он ведет пацана, этого очередного спасителя Америки, по бетонному коридору, по пожарным лестницам, через железные двери с надписью «Посторонним вход воспрещен». Отпирает неприметную дверь ключом и распахивает настежь.

Ребята пишут пацану, что они уже едут, пусть он не боится, они скоро.

За дверью темно и воняет. Воняет так, словно канализацию прорвало. Пацан заходит. Ребята пишут, что они уже в участке.

И вот теперь будет самая мякотка. Детектив включает свет. И доносчик наш, не в меру активный гражданин видит посреди комнаты гору окровавленных шмоток. И руки торчат из каждого рукава. Только шмотки, обувь и руки, потому что головы все всмятку.

Откуда-то из-за стен слышится приглушенный голос, он вещает: «Единственное качество, которое поистине объединяет нас, — это желание объединиться...»

Пай-мальчик наш в ужасе поворачивается к детективу, ища помощи, и видит дуло, глядящее на него в упор.

* * *

Как только инженерно-поисковая служба заканчивает проверку на предмет труб и подземных кабелей, дают команду начинать рыть. Пригнали экскаватор из «Спенсерз Рентал», с самым большим ковшом.

Работа уже подходит к середине, и тут появляется он. Вышагивает через спортивные поля. Не студент — слишком стар для студента. Скорее преподаватель. Штатный профессор. Ему больше всех надо везде сунуть нос. У профессора хлопковые индийские штаны на веревочке, носки и сандалии. На футболке надпись: «Феминизм — это я», под мышкой зажато нечто, скрученное в рулон. Плюс седая борода и очки, куда ж без них. Подойдя достаточно близко, чтобы его услышали, он машет рукой и кричит:

— Чудный день для труда на свежем воздухе!

Да, еще у него хвост. Башка сверху лысая, а пониже уцелевшие седые патлы собраны в хвост, длинный, до лопаток. И серьга блестит в ухе — здоровенный сверкающий на солнце бриллиант.

По регламенту требуется прямоугольник девять метров на девяносто, три с половиной метра в глубину, дно ровное с полуметровым слоем глины, сверху положить еще полиэтиленом, чтобы ничего не протекло в грунтовые воды. Точка выбрана в соответствии со стандартами — не менее четырехсот пятидесяти метров от любых источников питьевой воды или открытых водоемов. Регламент един по всей стране и совпадает с инструкциями по рытью накопителей для промышленных сточных вод, разве что требования к водоупорному подстилающему слою у экологов в этих случаях жестче.

А что там у профессора за рулончик под мышкой? Ну разумеется, коврик для йоги!

И вот это ученое светило интересуется у пролетариев светским тоном:

— Так что же вы, господа, тут затеяли?

А Руфус ему такой:

— Благоустройство кампуса. Долгосрочная подземная парковка для преподавательского состава.

Серьезно так говорит, не ржет — и как только ему удастся?

Нэйлор не выдерживает, прикрывает рот кулаком и пытается выдать смех за кашель. Остерманн бросает на него злобный взгляд.

А профессор такой:

— Зовите меня Бролли. Доктор Бролли.

И руку тянет, только никто как-то не спешит ее позвать. Нэйлор смотрит на Вайса. Руфус сосредоточенно листает толстую кипу бумаг, закрепленную на планшете. Наконец зависшую в воздухе руку жмет Остерманн.

Руфус перелистывает страницы, бубня под нос: «Бролли... Бролли...» и ведя пальцем по какому-то бесконечному списку.

— Вы читаете курс под названием «Тяжелое наследие привилегированного евроколониального культурного империализма»? — уточняет он.

Профессор смотрит на стопку бумаги, еле уместяющуюся под зажимом планшета, и Руфусу такой:

— Позвольте узнать, что у вас в руках? Где это фигурирует моя фамилия?

А Руфус ему, не моргнув глазом:

— Да так, исследование одно. О загрязнении окружающей среды.

Нэйлор и Вайс гогочут в открытую, придурки. Отворачиваются спиной, чтобы проржаться и сделать приличное выражение лица, но все равно так и трясутся от смеха, и Остерманн рычит им:

— Заткнитесь, уроды!

Профессор весь красный под своей бороденкой. Перекладывает коврик под другую руку и говорит:

— Я интересуюсь вашими действиями лишь потому, что состою в университетском комитете по борьбе с землеповреждением.

Руфус смотрит в свои бумажки и подтверждает:

— Ага, тут написано «вице-председатель».

Нэйлор уходит под предлогом напомнить экскаваторщику про уклон. С запада должен быть уклон, с той стороны будут заезжать самосвалы. Не хватало еще, чтобы грунт осыпался под таким весом.

Опершись на лопату, Вайс кивает профессору.

— Крутая у вас футболка.

Тот поднимает запястье и подчеркнуто смотрит на часы. И заявляет такой:

— Я все еще не получил четкого ответа, чем именно вы тут занимаетесь.

А Руфус ему, не отрываясь от бумаг:

— Кабинет у вас по-прежнему в здании Принца Люсьена Кэмпбелла на шестом этаже? Информация актуальная?

Профессор обалдело моргает. Вайс любитесь серьгой в его левом ухе.

— А брильянт настоящий?

Край ямы на футбольном поле начинается с зеленой травки. Под ней виден тонкий слой темно-коричневой почвы. Дальше подпочвенный слой, а ниже — древнейшая история, до самых динозавров. На башне в главном здании университета звонит колокол — пробило четыре часа.

Профессор подходит к самому краю, опускается на одно колено, заглядывает. Под ним сырая земля в яме, которая глубже бассейна. Глубже подвала. В яме земля и черви. Уходят вниз вертикальные стены в полосах от зубцов экскаваторного ковша, осыпаются на дно мелкие комочки.

Профессор свесился вниз, ему и невдомек, что он видит. Может, он высматривает древние окаменелости. Тупой, как хряк, которого ведут на бойню. Не улавливает очевидного, но ищет следы исчезнувших цивилизаций. Глядя прямо в ту самую черную тьму, существование которой всю жизнь старательно игнорировал.

* * *

Фруктовые колечки прилипли к коже, как радужная короста. Он снимает с предплечья красненькое, клубничное и отправляет в рот. На предплечье остается круглый красный след, как татуировка. Прямо-таки разноцветный леопард.

Этим утром Ник просыпается, а в кровати рассыпано содержимое коробки готового завтрака «Фрут-Лупс». Постельное белье у него с узором из спасательных кругов, они очень похожи на колечки, прилипшие к спине. Ник шарит рукой по полу, ища телефон, и пытается вспомнить, чем закончился вчерашний вечер.

На экране сообщение: «Награда за информацию». Доставлено в пять минут первого. Ник пытается написать в ответ. Номер заблокирован.

Он не успевает даже вылезти из постели, как телефон начинает пиликать. На экране надпись: «Номер скрыт».

— Слушаю.

— Николас?

Голос мужской. Не Уолтер. И не отец. Низкий и сильный, но вроде культурный. Ни одна живая душа не зовет Ника Николасом.

— Нет, я его друг, — врет Ник, мечтая поскорей пойти отлить. — Ника нет дома.

— Разрешите представиться, — сипит голос. — Мое имя Толботт Рейнольдс. Вы, по случайности, не знаете, где мне отыскать Шасту Санчес? Это дивное и обольстительное создание.

— Понятия не имею, — снова врет Ник.

— Знакомы ли вы с прелестницей мисс Санчес?

А Ник такой, не моргнув глазом:

— Не-а.

— Не связывалась ли с вами на днях полиция или некий Уолтер Бэйнс?

Ник начинает понимать. Уолтер. Долбаный придурок Уолт. Безнадежный лузер, с которым вечно происходят всякие катастрофы — и именно Нику приходится расхлебывать последствия. Когда Уолтер обдолбался солями и решил отгрызть себе руку, конечно же, в травмпункт его тащил Ник. И это еще фигня, а что было, когда Уолт хотел присунуть той смазливой сатанистке!.. Даже не пытаясь скрыть раздражение, Ник заявляет:

— Не слышал о таком.

Голос в трубке звучит гулко, как из бочки. Словно этот Толботт звонит откуда-то из-под земли.

— Смею вас заверить, что я весьма обеспеченный гражданин, который готов щедро вознаградить вас за любое содействие.

Ник шарит рукой по простыне, пока не нащупывает маленький кругляшок — таблетку флексерила, десять миллиграмм. Рефлекторным движением, не глядя, отправляет ее в рот и прожевывает без запивки. Если этот хрен звонит насчет наркоты, возможны проблемы. Обстоятельства вчерашнего вечера в голове Ника по-прежнему довольно туманны. И на телефоне он висит уже достаточно долго, чтобы его местонахождение определили. Достаточно долго, чтобы в любую секунду мог раздаться настойчивый стук в дверь.

— Нику что-нибудь передать? — спрашивает он, понимая, что пора закругляться.

— Передайте ему, чтобы не ходил в полицию, — отвечает Толботт и после едва заметного колебания добавляет: — Скажите ему, что через пару дней все разрешится.

Уже чувствуя, как расслабляются мышечные зажимы, Ник выдает:

— Во что Шаста впуталась на этот раз?

А сиплый аристократ Толботт немедленно интересуется:

— Позвольте узнать ваше имя?

Ник обрывает звонок. Выскакивает из постели, осторожно глядит в щелку между шторами. Под окнами пока никого не видно.

Ник снимает с локтя зеленое колечко, жует, погружившись в размышления. Отключает в телефоне геолокацию, потом для верности вытаскивает батарею.

* * *

В торговом зале поставили ряды складных стульев, но мест все равно не хватило, и народ толпится вдоль стен. Все происходит в магазине товаров для охоты и рыбной ловли — огромном, с обустроенным внутри водоемом, чтобы ловить форель на удочку. Только время уже позднее, магазин закрыт, искусственные водопады отключены, форель загнали по аквариумам в подсобных помещениях, так что ручей в плексигласовых берегах стоит пустой. Звуковое сопровождение тоже выключено: не заливаются трелями певчие птицы, не трубит благородный олень — мать-природа отработала смену и ушла домой.

Бинг и Эстебан осматривают толпу. В основном черные братишки. Сборище джамалов. Армия волков-одиночек.

В дальнем конце зала сидит тот хрен из качалки — Колтон, или как бишь его там. С ним рядом его «плюс один» — то ли Пегги, то ли Полли.

Перед собравшейся толпой выступает человек.

— Поднимите руки, кто знает, зачем собакам купируют уши? — спрашивает он.

И, не дав никому ответить или хотя бы руку поднять, начинает разглагольствовать о древних пастухах, подрезавших уши щенкам. В целях борьбы с инфекциями. Чтобы волку было не за что ухватиться. Резали ножницами для стрижки овец, жарили обрезки ушей на огне и скармливали тем же собакам — чтобы злее были.